

(Отъ нашего корреспондента)

Народы Аркадіи, ведшіе первобыт-
ный образъ жизни, не умѣли обраба-
тывать землю и все богатство ихъ
ограничивалось одними стадами; эти
пастухи, воспѣтые Овидіемъ, праздно-

Мало по малу вошло в обычай раздвигать народу эти священные ремни, нарвавшие как будто заклинные коз, так что, по всей вероятности, жрецов уже было недостаточно для совершения этого культа, и вот! гриняни и гриньцы стали хлестать яни взаимно друг друга...

Когда римляне вздумали уредить у себя национальное празднество, то они ввели у себя фебулярл вслѣдствіе того, что им казалось, что оно было установлено их соотечественниками. Название жрецовъ вѣло ихъ въ заблужденіе: они думали, что *luperci* происходятъ отъ латинскаго слова *lupus* (волкъ) въ память о той волчкѣ, которая вынямала Ромула и Рема. Они назвали *луперкалс* и празднество фебулярл было переименовано.

[illegible][illegible]

звешенным по порядку их достоинства, самым незначительным был введенный. За ними двигались Галлилейская империя.

Гильом Руссо, галлиейский император, существовал важно, задранный на пузурную тогу, испачканную вином, в предместиях шутков, которые дрались между собою и забавлялись пирыческой плоской, окруженный своими желтолицыми пономщиками и ктерями палаты господ. За ними шло все сословие шутков, шествующее со своими дерзавыми лапами, убитыми цветами, в форменных черных мантиях, с ктерями и достойной шабаша вдым, и с болышыми сифами из желтого воска. В центре этой толпы шагал значительный липа в братствѣ шутков несли на своих шлезах ношения со множеством восковых свечей, среда которых воссоздал величественно шутка шутств, в переконной мантии, с митры и с посохом!»

Но Викторю Кого умиливает о дерзавых шутках не довольствуясь похорожкой по городу, выходящая в явления по пути, вымалывала шутки и профанировали их своими кверасловием. Они дрались и танцевали даже в алтарь. Члены духовности, диаконы и иподиаконы, парировали церковное служение при аподисматстве обезумевшей толпы. И шутки орги в страшного шуты заканчивались похотливыми сценами и кровными драками.

В шестом столетии, в предместиях папского двора, в алтаре подражающего этому в Париж в 1198 году, папский шуты продолжал существовать до XVI века. Но после папского запрета, церкви были закрыты для cortege и он сдвинулся немного вправо непристойным. Но не один дерзавые прославился своими луперальными усилениями, а также и монахи со своим предшествием «Безумной Матери». Рейтс со своим «правдиком Селекия», Дуа со своим «правдиком Гиганта Галлией», правдиком и ктерем его.

Но у них папский шуты не были

пороков, и соперничали между собою относительно оригинальности их высказываний, в отдаленных деревнях, где крестьяне жили враспашку, о сиротках. Крестьяне неслись, как вихрь, и простились маскараро, быстроту которого состояла в переименовании неприятных для них вещей. Среди них зародились необычайная жигать куклу в последний день маслины, представлявшую в рубашке вид протвинутого для них дубовца. В наше время эта кукла имитирует собою правна Карнавала. Также тоже мы обязаны крестьянам, представившим Мак-Карем, которые совершили их чествование, разбрасывая нефть Великого победителя. Так, как в загонные нотации крестьянской маслины крестьяне парадуют и устраивают бал, молодым девушкам, то последние, чтобы не оставаться у них в долгу, со своей стороны устраивают тоже бал в честь Мак-Карема, в день отдачи, разбрасывая черепью в середине длинного поста, налагаемого на окружающих. Этого праздника чествуют и молодые мужчины, действуя и в особенности пляшущи, как в карнавалах, в память о древних, क्योंकि ремесла выбирают те же корову, которую должны принимать гостей на их балу, чтобы вновь устраивают на своих досках платоха.

III.

Мы знаем, что происхождение своего собственного карнавала, происходящего корнем отторженного и прайдества Мак-Карема.

Начиная от средних веков, и до наших дней мы не находим ничего нового и особенно интересного по отношению к переносу этих празднеств. Упомянем пожалуй о шло-дских Генриха III и его любимцев, а также и Генриха IV, который был руководителем маскараро колдунов. При Людовике XIV Mardi-Gras (говяжье) и сатем-перенос (пчелы и маслины) обратились в символические прищипы, дворю кот-

человеческих божеств, или героев ко-
лоссальной Мольеры. При Людовике XV
зеркальные балы, устроенные по прина-
длежности регента, очень способствова-
ли развитию искусства карнавала. Или
же, наоборот, все болше и болше и
и продолжалось до революции. Кон-
кретно же, инициаторы и запрети-
тели всяких вакханалий, переживавшие
и а и прогулку оторванного быка,
которые пекли или шутки, юнющие
стоитности человека.

В начале XIX века карнавал
становился снова во всей своей сла-
ве универсальной, так как весь на-
род на весь его празднует, каж-
дый. Американские индейцы, на-
пример, собирались для карнавала
и танцуют бамбулы, прутья
и, а африканские диакри, на-
равшись в звериния шкуры, ка-
кие гальские предки, играют в
шутки и нутхаст. Индусы и персы
преображают пышные и феериче-
ские, востановляя в них свое
горго. И даже цивилизованные на-
роды Старого и Нового света про-
должают праздновать карнавал.

Южная Америка отличается одной
особенностью: в Монтевидео и в
Буэнос-Айресе карнавалы являются
и являют персы, арменские и
конкретных персонажей итальянской
принято переосмысливать с од-
ного балкона на другой яла, напо-
миная водою. Эта игра была приу-
дочена в Италии в XVI столетии. Но
и сейчас всегда превращается, превраще-
ние, не довольствуясь яллами, выли-
вают друг друга на головы пльма
и вода и иногда даже с очень
и Соединенных. Штатах, это
празднование не имеет никакой пре-
жестности, оригинальности американцев
говорят в подражания флегматич-
ны англичан; но англичане очень
и не рискуют появлять-
на улицах замаскированными.

И пльвич карнавал не отличает-
ся особенным весельем от его про-
шестого райтеринг и алесбардировки;

[illegible]

